

II. JEZYKOZNAWSTWO

M.A. BRICYN, N.N. PILINSKI

Терминологическая лексика
в современной русской и украинской поэзии

Терминология различных областей науки и техники, а также общенаучная терминология и стандартизированные словосочетания научной речи все шире употребляются в поэзии даже в своем прямом значении в связи с расширением ее тематики. Нельзя, конечно, не согласиться с М.Н. Кожиной и другими исследователями частотности терминов в языке художественных произведений¹, что относительное количество терминов, особенно узкоспециальных, не слишком велико и в произведениях тех поэтов, которые тяготеют к их использованию. Но благодаря явлению стилистической иррадиации, на что указывала в свое время И.В. Арнольд², даже один уместно употребленный термин может придать целому поэтическому произведению ощутимый колорит современной эпохи. Нельзя не отметить также, что в связи с проникновением терминологии в общеупотребительный язык происходит ее определенная детерминологизация. Это явление можно рассматривать и шире, как следствие того, что все нормы современного литературного языка все больше опираются не только на художественно-беллетристический стиль, но и на другие книжные стили: научный, официально-деловой, массовой информации. Однако использование норм научного стиля в произведениях художественной литературы неизбежно ведет к некоторой нивелировке их научности, они как бы подстраиваются под своих новых собратьев.

Детерминологизация терминов в общеупотребительном языке особенно заметна на примерах их лексикографического описания при сравнении научной дефиниции, "энциклопедического" значения с толкованием, которое приводится в словарях, на что обратил внимание еще Л.В. Щерба: "известную трудность в плане противоположения

«энциклопедический словарь – общий словарь» представляют собой термины. Очень многие специальные термины вовсе не входят в общелитературный язык и относятся к специальным жаргонам. Они подробно объясняются или в общей, или в разных технических энциклопедиях, где даваемые о них сведения можно сильно варьировать по объему. Много есть и таких терминов, которые входят и в литературный язык. Однако очень часто они будут иметь разные значения в общелитературном и специальном языках. Слово «золотник» (в машине) всем хорошо известно, но кто из нас, не получивших элементарного образования, знает, как следует, в чем тут дело? Кто может сказать, что вот это золотник, а не это? Поэтому в общем словаре приходится так определять слово «золотник»; **ОДНА ИЗ ЧАСТЕЙ ПАРОВОЙ МАШИНЫ**³. В поэзии утрата термином своего точного, детализированного значения проявляется еще явственней.

Современная русская и украинская поэзия живет ритмами быстротекущего времени. Деяния и помыслы современника – основное содержание поэтических работ мастеров старшего и младшего поколения. Поэзия – важнейшая форма духовной жизни, важнейшая сфера познавательной деятельности народа – творца, созидателя эпохи научно-технического прогресса. "Сущность всякого познания, – заметил В. Федоров, – это в конечном счете познание законов энергии. Поэзия, как одна из ее форм, не является ее исключением... Энергию стиха нельзя измерить, а чувства и разум людей слишком различны... Что такое стихи? Это один из способов духовной передачи энергии от одного человека к другому"⁴. Научно-технический прогресс, таким образом, наложил свой отпечаток даже на публицистическое выступление поэта.

Средства научно-технической номинации вводятся в контексты поэтической речи для воссоздания панорамы созидательной поступи советского человека. Образ современника, осваивающего суровые просторы Арктики, воссоздается удачным словоупотреблением в частности употреблением выражения "полярные трассы", в стихотворении Р. Рождественского "Арктическая болезнь":

Значит,
где б ты теперь не странствовал,
на пороге
любой весны
будешь бредить полярными трассами,
будешь видеть снежные сны⁵.

В космический век земля уже не кажется такой большой, как раньше. Поэтому Б. Олейник, не колеблясь, говорит о себе:

Продираюся полозом
Крізь міста і ліани рік,
Посковзнувшись на полюсі,
Падаю на екваторі⁶.

Так под пером поэта географические термины конкретизируются и претерпевают такие образные изменения, которые отвечают его замыслу – показать землю в нужных, по его же словам, "масштабах".

Приметы нового быта, культурного обихода как следствие промышленного производства раскрываются посредством одних и тех же слов в поэзии Л. Татьянической и Б. Ахмадуиной:

Мой ад – при мне, я за собой тяну
Суму моей печали неказистой,
Так альпинист, взмывая в тишину,
С припасом суеты берет транзистор⁷.

Слова, обозначающие промышленные изделия, используются и в качестве образных сравнений, например слово "транзистор" в поэзии Л. Татьянической:

Как транзисторы,
Скворечни
На груди у тополей⁸.

Предметы нового быта, как видно из приведенных цитат, то одушевляются, персонифицируются – наделяются теми положительными человеческими чертами, которыми наделялась раньше традиционная "одинокая гармонь", то превращаются в сложный образ – символ нарушителя тишины, житейской суеты, печали и даже ада, то, наконец, превращаются в нечто обыденное, напоминающее скворечник. Подобные примеры можно найти и в украинской поэзии. Например, у Н. Винграновского:

Телевізор у футболі
Переплескує долоні⁹.

Как термины слова "телевизор" и "транзистор" уже полностью потеряли связь со своей терминологической системой. Для поэтов важны и технические характеристики, не то, что транзистор, собственно говоря, – это "трехэлектродный электропреобразующий полупроводниковый прибор (триод)" или, переносно, "радиоприемник с разным количеством таких приборов", а то, что он небольшой, легкий, удобной формы, с красивой отделкой, что его можно переносить в руках, вешать на плечо или на шею.

В приведенных примерах интересно противопоставляются полиэтилены и циклотрон лексике бытовой, а то и сниженной окраски. Образ, созданный неологизмом замагниченно – "загипнотизированно" (?), "намагниченно"(?), хорошо отражает профессиональные особенности лабораторной среды, где среди сложнейших приборов не забывают и о "земляничинке".

Производственные механизмы, облегчающие тяжелый труд человека, средства механизации и автоматизации, представляются в виде мифических сказочных существ, которые поражают воображение человека своим могуществом, точностью выполняемых операций. Поэтизация производственных процессов часто ориентирована на художественную емкость книжно-поэтических и даже устаревших слов и словосочетаний. "Запливае комбайн у калюжу, як Ноїв ковчег", "І агробог, поглянувши у небо, – Оце б дощу, – промовив сам до себе", – пишет Б. Олейник. "Руками витвореною твердю", "рукотворним світом" называет С. Тельнюк железный остров нефтяников возле Баку. "Несе в космічному просторі моєї мислі дивну плоть", – пишет Д. Павлычко.

Такое словоупотребление в значительной мере характерно и стихотворным текстам В. Федорова:

Уже дымятся рукавицы,
На пальцах – иглы теплоты...
И, словно сон, приходит рыцарь,
Приходит он из темноты.
Движенья резки и грубы,
Казалось, презирая зной,
Он вырывал дракону зубы,
Сверкающие белизной.

Стихотворение Л. Татьяничевой *Музыка* приравнивает заводское к космическому на основе звуковых ассоциаций:

И вот уже
Гудок издалека
Влетает в цех
Озвученной ракетой,
И сменщицы умелая рука
Берет рычаг, моей рукой согретый.

Но и поэты, предпочитающие сложную, многоликую и многоплановую символику, как бы предполагающую разночтения, конкретны в своем отношении к технике, в своих чувствах и ощущениях. Очень выразительно эту особенность поэзии научно-технической революции выразил В. Коротич:

Я зневажаю слово "взагалі".
не "взагалі народ", не мляві тіні,
Не "взагалі земля", а грам землі
У коренів химерному сплетінні.
Не "взагалі поезія", а ти.
І я
І він.
Усі несхожі надто.
Не "космос взагалі", а космонавти.
Не всесвіт, а – у всесвіті світи.

Отличительной чертой всей современной русской и украинской поэзии, провозглашающей даже в интимных стихотворениях передовые идеалы, является конкретность слов, за которыми стоит вера в светлое будущее планеты Земля, реальность символов жизни и смерти (атомных, водородных, нейтронных бомб и прочего оружия массового уничтожения людей).

Слова, связанные с понятиями сферы научного познания, вводятся в образно-смысловое единство художественного текста большинством поэтов весьма осторожно. При всем богатстве изобразительных средств современной поэзии в текстах находит отражение лишь ничтожная доля научно-технических терминов, которые в любой отрасли теперь насчитываются тысячами, а то и десятками тысяч. До эпохи научно-технической революции их употребление было совсем незначительным. Как отмечает М.Н. Кожина, даже в поэзии В. Маяковского и Р. Рождественского, пожалуй, чаще других поэтов, прибегающих к использованию терминологии, выступают обычно только общеизвестные термины. Более того, в *Избранных произведениях* В. Маяковского на 330 страницах 53 термина (один термин на шесть страниц), а в книге Р. Рождественского *Радиус действия*, само название которой предполагает обращение к терминологии, последняя представлена 31 словом.

Экспрессивная нацеленность терминов как принадлежность научно-технической речи легко просматривается в стихотворных текстах С. Наровчатова:

Нейтрон, протон, нейтрино, позитрон...
С усмешкой вспоминаешь неделимый атом!

В экспрессивно-оценочном плане используются словосочетания, реализующие общенаучные понятия (прикладные науки, фундаментальные науки, радиус действия и др.). В *Балладе о лосе* В. Яковенко понятийная очерченность описательного наименования "прикладные науки" усиливает значимость научного познания духовных ценностей человека:

Говоришь, прикладные науки
Знаменуют наш бурный век.
Что ж прикладывай умные руки
К самым добрым делам, человек.
Прикладные науки помогут
Звездных крыльев создать чертежи...

Против всего, что заслоняет, отодвигает на задний план все истинно человеческое, нацелен поэтический потенциал стихотворных строк А. Вознесенского:

Экспериментщик, чертова перечница,
Изобрел агрегат ядерный.
Не выдерживаю соперничества.
Будьте прокляты, циклотроны!
Будь же проклята ты, громада
программированного зверья...
Смертны техники и державы,
Проходящие мимо нас.
Лишь одно на земле постоянно,
словно свет звезды, что ушла, –
продолжающееся сияние,
называла его душа.

Справедливая критика автоматизации души человека, человеческих отношений звучит и в стихотворных текстах В. Федорова, в которых подчеркивается несомненная узость "счетных машин" по сравнению с "душой". И у него экспрессивность поэтического языка опирается на выразительность специальных слов.

В своей книге Л.Г. Барлас отмечает, что идею образности художественной речи выдвигал еще А.М. Пешковский. Образность – считал он – ни в коем случае не следует ограничивать поэтическим тропом или фигурой. В художественном произведении каждое слово неизбежно является образным, поскольку оно преподносится в художественных целях и дается как бы в плане общей образности.

Образ движения, образ высоких скоростей времени научно-технической революции находит соответствующее воплощение в символическом словоупотреблении (винтовая лопасть, железно-скоростной век). В поэзии Е. Исаева:

А где-то мчались поезда,
И громоздились города
И сутились люди
В чаду
И в лязге городском,
В цехах

И в рудном штреке, –
В своем
Железно-скоростном
И потогонном веке.

Стихотворение в какой-то степени воспринимается как реминисценция из А. Блока, как продолжение его традиций, его поэмы *Возмездие*: "Век девятнадцатый железный, Воистину жестокий век, Тобою в мрак ночной, беззвездный, Беспечный брошен человек". С той разницей, что XX век как раз век "звездный", о чем убедительно свидетельствует хотя бы всемирноизвестный Звездный городок под Москвой.

Построения с грамматически выраженной или же не выраженной компаративностью расширяют образно-оценочную емкость поэтической речи. Это особенно ярко выражено в *Лонжюмо* А. Вознесенского:

Однажды став зрелей, из спешной повседневности
мы входим в Мавзолей, как в кабинет рентгеновский,
вне сплетен и легенд, без шапок, без прикрас,
и Ленин, как рентген, просвечивает нас.

Тем самым расширяется и непосредственная информативность поэзии эпохи научно-технической революции. В качестве средства образно-оценочной интерпретации предмета изображения используются не только ряды научно-технических терминов и описательных перифрастических построений, но и само расчлененное наименование "научно-техническая революция".

В поэзии А. Вознесенского воспеваются пафос созидания, поступь прогресса:

Я – попутчик
научно-технической революции.
При всем уважении к кормыслам
хочу, чтобы в самой дыре заваливающей
был водопровод и движенье мысли.

Анализ современной украинской и русской поэзии, проведенный с точки зрения ее отношения к НТР, позволяет сделать ряд выводов.

1. Рассмотренные произведения поэтов разных поколений показывают, что научно-техническая революция для многих современных поэтов является важнейшим источником вдохновения. Научно-техническая революция заметно влияет также на язык и стиль их произведений. Основным результатом этого влияния, к тому же наиболее очевидным, является освоение поэтами современной научно-технической

терминологии. Следует отметить, что существуют общие закономерности поэтапного освоения терминов поэзией: от употребления термина как "инородного тела", как средства научного функционального стиля, до полного включения его в поэтический лексикон. Процесс освоения термина зависит от многих факторов – его значения, словообразовательных возможностей, сочетаемости с другими словами, его фонетического звучания, наконец, даже от его способности служить рифмой.

2. В стилистическом плане освоение термина поэзией начинается с момента вхождения его в то или иное образно-художественное средство. С точки зрения организации текста в поэзии происходит взаимодействие термина с чуждой ему средой – эмоционально окрашенной лексикой и экспрессивными синтаксическими структурами. Стилистическая нейтральность термина оказывается более слабым звеном.

Интересным представляется также поэтапное освоение термина поэзией в плане употребления его в различных жанрах. Философская и гражданская лирика оперирует научно-технической терминологией примерно так же, как и современная публицистика. Хотя и здесь в ряде случаев происходит несомненная детерминологизация термина, превращение его в поэтический символ того или иного явления современной жизни, об окончательном освоении термина поэзией свидетельствует его употребление в интимной и любовной лирике.

3. Фигуры, основанные на сходстве, – сравнение, метафора, персонификация – приобретают с использованием терминов новые свойства. Сравнения часто поражают сбоем неожиданностью, иногда вообще трудно сказать, на чем они основаны. Возможность различных толкований усложняет овраз, создает многообразность. Одушевление реальных и явлений научно-технической революции осуществляется часто не прямым приписыванием им человеческих признаков, а всей образной системой поэтического текста. Возрастает роль аллегории. Целый ряд произведений, насыщенных научно-технической терминологией, воспринимаются как басни, притчи, миф. Сближение человека и машины в положительном и отрицательном планах порождает и бесчисленные антитезы, не только ясные, но и скрытые, в которых контраст играет уже второстепенную роль. Наиболее характерным в этом отношении является все более размываемое противопоставление земного и космического, которые ощущаются теперь как члены одного понятийного класса. Очень часто образность создается не тропами, а теми художественно-выразительными приращениями смысла, которые, по В.В. Виноградову, развиваются в системе целого эстетического объекта. Поэты и сами начинают создавать термины окказионализмы, окра-

шенные стилистически. Приобретая в поэзии эстетическую функцию, термины не теряют и своей информативности.

4. В использовании терминологической лексики в поэзии наблюдается тенденция к синтезу, к сочетанию этого нового образно-художественного средства с традиционными поэтическими средствами и приемами. Терминология втягивается в ряды традиционной поэтической символики, употребляется для создания образов добра и зла, жизни и смерти, света и тьмы, спокойствия и бури и т.д. Ад и Рай, рыцарь и дракон соседствуют с мартеновской печью и прокатным станом. Но современный *Молох* в отличие от *Молоха* А. Куприна уже не пугает, он вполне управляем. Страшен не он, а автоматика, излишняя технизация повседневной жизни, эта новая ржавчина, разъедающая душу: субъективная оценка термина – традиционный прием экспрессивной поэтической речи в отношении других, обычных слов. Еще чаще, чем устаревшие и традиционные книжные литературные образы, окружает термин разговорная стихия (особенно в украинской поэзии).

5. Все более широкое проникновение разговорных элементов в современную русскую и, особенно, украинскую поэзию, где они причудливо сочетаются с научно-технической терминологией, является одним из наиболее характерных речевых явлений и процессов нашего времени в литературном языке. Эта несомненная экспансия устной речи (заметная также в художественном стиле, публицистике и научно-популярном подстиле научного функционального стиля) объясняется, очевидно, многими общими и частными причинами. Разговорный, терминологический и другие "коды" сокращают текст. В этом можно усматривать и проявление имманентной языковой антиномии кода и текста. Нельзя не вспомнить и антиномии "говорящий – слушатель", и того, что в годы ускоренного общественного и экономического развития обычно "побеждает говорящий".

6. В современной поэзии, как в русской, так и в украинской, кроме указанных общих процессов освоения терминологической лексики и других одинаковых признаков влияния научно-технической революции, имеются факты прямого совпадения некоторых образов и даже рифм. Это, однако, не лишает отдельные поэтические произведения их ценности, так как каждое такое произведение несет неповторимую печать таланта своего создателя. Пределом освоения терминов в этом плане является употребление их с уменьшительно-ласкательными суффиксами (ср., например, обращение "кометонько" в *Орлиной балладе* И. Драча). В современной русской поэзии такие явления наблюдаются значительно реже. Показательным является также частое употребление терминологизмов в большом цикле любовной лирики у Д. Павлычко. В свою очередь, употребление терминологизмов современной русской

поэзией отличается более широкой публицистической направленностью. Даже гражданская лирика Л. Костенко кажется несколько камерной по сравнению с русской поэзией этого же жанра. Русская поэзия также значительно более перифрастична, чем украинская.

Анализ употребления терминологии в поэзии имеет и дидактический аспект – он позволяет предложить поэтам и редакционно-издательским работникам ряд практических рекомендаций в отношении использования терминов как элементов художественного текста, основные из которых следующие: переосмысление термина не должно приводить к полному или частичному искажению его смысла; не следует употреблять термин бессмысленно или в искаженной псевдонародной этимологией форме; даже в юмористических стихотворениях последней четверти XX в. это следует рассматривать как примитивный, устаревший прием; наконец, необходимо избегать чрезмерного увлечения терминологией в поэзии, следить за ее чистотой, эстетикой и общей культурой речи. И в эпоху научно-технической революции не следует абсолютизировать ее значения для современной поэзии. Новые образно художественные средства должны обогащать общий поэтический арсенал, а не подменять собой или вытеснять старые, традиционные.

Примечания

1. М.Н. Кожина. *Стилистика русского языка*, Москва 1977, с. 68-70.
2. И.В. Арнольд, *Стилистика современного английского языка*, Ленинград 1973, с. 36.
3. Л.В. Щерба, *Опыт общей теории лексикографии*, [в:] Л.В. Щерба, *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, Ленинград 1958, том 1, с. 68.
4. В. Федотова, *Собрание сочинений в 3-х томах*, Москва 1975, том 3, с. 147.
5. Р. Рождественский *За двадцать лет*, Москва 1973, с. 4.
6. В. Олійник, *Істина*. Київ 1976, с. 61.
7. Б. Ахмадулина, *Стихотворения*, Москва 1975, с. 100.
8. Л. Татьяничева, *Избранные сочинения в 2-х томах*, том 2, с. 268.
9. Н. Вінграновський, *Поэзіі*, Київ 1971, с. 147.